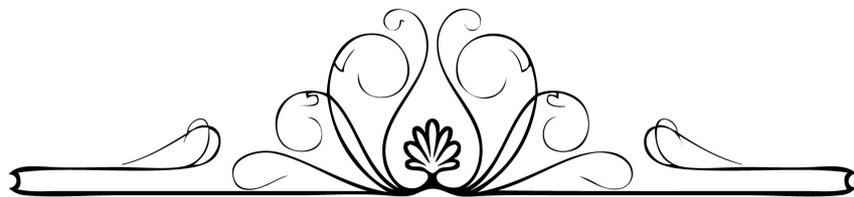


Р. Назиров

Его страсть: искать и
находить



МЫ ПОДНИМАЕМСЯ на самый верхний этаж большого дома на проспекте Октября. И еще выше верхнего этажа входим в мансарду, где размещаются мастерские двух известных художников нашего города — Ахмата Лутфуллина и Александра Пантелеева. Сегодня Пантелеев обещал показать свои последние работы.

За время, прошедшее после нашей последней встречи, он почти не изменился. Не изменился внешне. Это уточнение необходимо, потому что как живописец он принадлежит к числу самых динамичных и меняющихся людей, каких когда-либо знал автор этих строк. Пантелеев пользуется признанием, много работает, но в разговоре с ним прямо-таки физически чувствуется внутреннее беспокойство художника, неутолимое напряжение его исканий.

Кстати, о выставках. Я спрашиваю Александра, какое впечатление произвели наши на последней выставке в Москве.

— Башкирские художники выглядели хорошо на выставке, — отвечает он. — От Башкирии было отобрано двадцать четыре работы: Тюлькин, Лутфуллин, Нурмухаметов, Домашников, Бурзянцев, Кашеев, Ситдикова...

Картины Пантелеева — тоже. Все это — наши художники, которых знает и которыми гордится Башкирия.

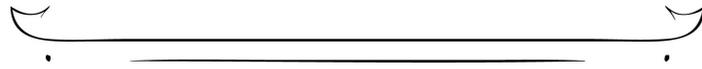
— В феврале будет союзный съезд, — говорит Пантелеев.

Мы разговариваем о новостях в Союзе художников СССР, о Гелии Коржеве, о работах общих знакомых. Но нам, гостям художника, хотелось бы увидеть его новые картины. И Пантелеев показывает нам некоторые итоги последних полутора лет своего труда. Вот тут-то и начинаются неожиданности!

Принято считать его пейзажистом, его даже печатно титулуют «мастером индустриального пейзажа», а тут перед нами один за другим появляются натюрморты. Один-два пейзажа, а так все натюрморты... Опять «новый Пантелеев»!

Вот натюрморт на фоне окна, за которым вырисовываются контуры какого-то индустриального гиганта. Но на сей раз этот фон с грозными металлическими конструкциями играет второстепенную роль. С ним контрастирует своей почти домашней интимностью стол на переднем плане, а на столе — кофе и апельсины. Рыжеватые, затаенно праздничные плоды словно скрывают какую-то тихую и упорную силу, передающуюся им от земли.

А вот совсем иное полотно: вазы с апельсинами, детали архитектурного фона и вытянутые в готическом взлете, непомерно длинные восковые свечи. Они горят бледным, почти бесцветным огнем. Но свет в картине — не от этих свечей. Это призрачный свет луны и звезд, или какой-то рассеянный ночной полусвет; все тона этой картины притушены, в цвет словно подернут дымкой молчания.



— Нет, эта вещь мне не нравится, — задумчиво признается Пантелеев в ответ на мои соображения. — Какая-то уж очень церковная, католическая, что ли.

И он показывает другой вариант этого натюрморта: слегка изменена композиция, строже пирамида тусклых апельсинов; казалось бы, все очень похоже, а на деле все по-другому. Суровее стала вещь, еще беспощаднее изгнаны хотя бы малейшие намеки на чуждую красоту, и натюрморт наполнился «до краев» немим зарядом потенциальной энергии.

Продолжая рассматривать картины, мы перебрасываемся короткими замечаниями о натюрмортах вообще и о сегодняшнем значении натюрморта.

— Слово «натюрморт» в переводе с французского значит «мертвая натура», — говорит Пантелеев. — Понимаешь, мне хочется передать... ну, что ли, такое чувство, что вещи не мертвые, они живут, у них есть своя жизнь. И эта жизнь вещей как-то связана с нашей...

Он не любитель пышных речей, как и большинство художников. Но я понимаю, что он хочет сказать. По-немецки натюрморт называется «штиллебен», то есть «тихая жизнь». Может, это вернее?

Мне вспоминаются знаменитые натюрморты прошлого, роскошно заваленные мясные и рыбные лавки Снейдерса (рай для фламандских обжор!) или натюрморты «малых голландцев», тонкое стекло бокалов, запотевших от охлажденного вина, изысканные блюда, фрукты из заморских колоний...

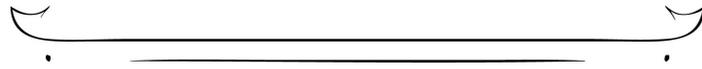
Как они гордились своим достатком, своей трудолюбивой и сытой Голландией! Эти полотна кричали: «Мы умеем жить!».

Или совсем другая эпоха-тонкий и умный француз Шарлей. Его «кухонные» натюрморты скромны и сдержанны, вместо хрусталя и хвастливого изобилия — медные кастрюли, капустный кочан да пучок петрушки. Зато каким достоинством проникнут его известный натюрморт «Атрибуты искусства», который мне довелось видеть в Государственном Эрмитаже, в Ленинграде: это рабочий стол в кабинете, на нем книги, папки с эстампами, статуэтка Меркурия, палитра и кисти, транспортир и линейка, античные медали, а из-под всего этого «художественного беспорядка» выглядывает край чертежа. Шарден деликатно показывает нам широту своих культурных интересов, призывает любить искусство...

Но все равно — и голландцы, и Шарден, и многие другие мастера натюрморта ушли в прошлое. Это прошлое дорого и нужно нам, но мы сознаем, как давно все это было! Натюрморт был идиличен, спокоен, он большею частью иллюстрировал жизнь людей.

Двадцатый век взорвал эту идиллию. Я вовсе не пытаюсь делать неуместные сопоставления между классикой и картинами моего доброго знакомого — я просто хочу сказать, что натюрморты Пантелеева принадлежат двадцатому веку.

Порою даже язык не поворачивается назвать их натюрмортами. Взять хотя бы эту вещь — «Памяти Гарсиа Лорки», где каменные плиты клонятся в немой печали над цветком, упоминающим растоптанное сердце, и у грубого кактуса вырастает, словно под влиянием страшной боли, отчаянно простертый отросток, патетический, как рука над свежей могилой. Или это странное, ошеломляющее полотно — «Океанские рыбы»: две черных торпеды свирепо оскаливают острозубые пасти на фоне изумительно живого сочетания



земных красок. Они мертвы, но еще угрожают! Но разве можно «пересказать» картины? Их нужно видеть. В наших силах — только приблизительно передать на бумаге впечатление от живописи.

«Смерть рыбы» — это крик цвета, где краски в волнения перебивают друг друга, где в смертельной агонии изгибается и стынет замечательное диво природы, убитое радиацией, отходами химии, пролитой нефтью и всем тем, чем нерасчетливое человечество загрязняет и губит мировой океан и вообще окружающую среду. Картина — предупреждение? У нас проблема среды рассматривается ныне как одна из самых первостепенных. Да, но не только это. В символике этой картины слышатся отзвуки серьезнейших философских дискуссий века.

И рядом — задумчиво оптимистичные «Филодендроны», которым мне хочется приписать выражение веры в неистребимость жизни. А сам художник, хоть и не отказывается пояснить свою мысль, прямых ответов на мои вопросы, конечно же, не дает. Он не хочет говорить за свои картины.

— Может ли существовать трагический натюрморт? — спрашиваю я его, имея в виду «Смерть рыбы».

— Не знаю, — кратко говорит он. — Возможно...

Я расстаюсь с ним в глубокой уверенности, что натюрморт — один из самых «идейных» видов живописи и что возможности его практически неисчерпаемы. Цветы, камни, рыбы и апельсины — вот и весь «материал» Пантелеева, а какое разнообразное и сложное содержание, какое мучительное напряжение мысли!

Впрочем, так же неисчерпаемы возможности всякого искусства, которое верит в свои силы и стремится к духовному освоению нашего большого и трудного мира.

